

МАОИЗМ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Г. Ф. Ким

Прошло полтора десятилетия с тех пор, как в руководстве КНР возобладали силы, навязавшие стране великодержавно-шовинистический курс. Антисоветизм стал краеугольным камнем этого курса, породившего серьезные трудности в мировой антиимпериалистической борьбе и нанесшего, в частности, чувствительный ущерб освободительному движению афро-азиатских народов. Подоплекой этого антисоветизма является великодержавное стремление маоистской группировки утвердить свою гегемонию в национально-освободительном движении. Именно на это были направлены многолетние усилия пекинских руководителей в рамках деятельности неприсоединившихся государств, в движении солидарности афро-азиатских народов и в коммунистическом движении стран Востока.

При этом маоисты не раз меняли свой тактический арсенал. Теперь ими применяются так называемая дипломатия улыбок, расширение контактов, восстановление дипломатических отношений со многими странами, активизация деятельности КНР в ООН. Уж не решил ли Пекин основательно пересмотреть свой курс, преследовавший цель навязать маоистские идеи и планы афро-азиатским странам? Ответ на этот вопрос не будет однозначным. Он является утвердительным в том смысле, что маоисты действительно вынуждены были констатировать малоэффективность своего прежнего курса и поэтому пытаются ныне внести в него некоторые изменения. Отрицательным же ответ будет в том отношении, что они стремятся скорректировать не стратегию своего гегемонистского курса, а лишь тактику, иными словами — найти новые подходы к достижению прежней цели.

В начале 60-х годов, выдвинув «особый» курс, суть которого свелась к попыткам навязать свою гегемонию национально-освободительному, а в более широком плане — мировому революционно-освободительному движению во имя своекорыстных великодержавно-шовинистических целей, пекинские лидеры начали с отрицания ведущей роли международного рабочего класса, мировой социалистической системы в мировом революционном процессе. До поры до времени они, не решаясь открыто выступить против СССР или, тем более, причислить его, как это делается ими ныне, к «социал-империалистическим силам», особенно упирали на национально-освободительное движение как «эпицентр современных революционных бурь». При этом маоистов не смущало то обстоятельство, что подобный подход к различным силам мирового революционного процесса находится в прямом противоречии с важнейшим принципом марксизма-ленинизма, с выводами В. И. Ленина, который указывал, что для правильной оценки политической обстановки и перспектив ее развития необходим учет классовых сил. «Метод Маркса», — писал В. И. Ленин, — состоит прежде всего в том, чтобы учесть *объективное* содержание исто-

рического процесса в данный конкретный момент, в данной конкретной обстановке, чтобы прежде всего понять, движение *какого* класса является главной пружиной возможного прогресса в этой конкретной обстановке»¹. Продолжая эту мысль, В. И. Ленин констатировал, что «мы можем знать и мы знаем, *какой класс* стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д.»².

Основополагающий вывод международного коммунистического движения, что в центре современной эпохи стоит международный рабочий класс и его главное детище — мировая социалистическая система, базируется на оценках основоположников марксизма-ленинизма. Марксисты-ленинцы считали и считают, что необходим интернационалистский подход к общественным явлениям, к оценке соотношения сил во всемирном масштабе; что борьба сил мирового социализма, международного рабочего класса против империализма, а в более широком социальном плане — против капиталистического строя с наибольшей полнотой выражает сущность революционного процесса. При этом марксисты всегда отдавали должное национально-освободительному движению (как одному из важнейших компонентов мировой антиимпериалистической борьбы), добившемуся ныне выдающихся успехов благодаря активнейшей поддержке со стороны стран социалистического содружества и при тесном взаимодействии с международным рабочим движением.

Эту истину, многократно проверенную на практике, маоисты стали подвергать прямой фальсификации с тем, чтобы теоретически обосновать свои притязания на роль гегемона мирового революционно-освободительного движения. С этой целью они клеветнически утверждают, будто мировой социализм, и в первую очередь СССР, «не является» ведущей силой современного революционного процесса, что «эпицентр мировых революционных бурь» переместился в Азию и Африку. Следуя подобной логике, нетрудно договориться до признания за КНР роли гегемона. Именно поэтому пекинские лидеры начали усиленно муссировать пресловутый тезис о том, что Китай с незапамятных времен является «центром вселенной», ее «срединным государством», чуть ли не со стороны «Неба» благословенным на роль «лидера» наций, если не на всей планете, то, во всяком случае, в Азии, Африке и Латинской Америке.

На первых порах маоисты старались не раскрывать весь свой арсенал, понимая, что народы зоны национально-освободительного движения реально учитывают роль мирового социализма в антиимпериалистической борьбе, так что грубые выпады маоистов против СССР и других социалистических стран могли обернуться против их авторов. Поэтому Пекин начал с распространения расово-шовинистических идей об особой общности исторических судеб народов Азии, Африки и Латинской Америки, на чьи плечи легла-де ныне задача выступить в авангарде антиимпериалистической борьбы, причем под общим руководством КНР. При этом маоисты использовали многие буржуазно-националистические и империалистические теории и лозунги для обоснования своего тезиса «Три А»: об особой общности народов трех континентов — Азии, Африки, Америки. Среди некоторой части африканской и азиатской интеллигенции эти разглагольствования нашли известный отклик. Например, такой идеолог левого радикализма и деятель африканского освободительного движения, как Ф. Фанон, в то время выступил с позиций идеологии отдельной «революции обездоленных цветных народов»³.

Максимально использовать левоавантюристские настроения отдельных деятелей афро-азиатских стран во имя своих великодержавных ге-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 139—140.

² Там же, стр. 142.

³ См. Ф. Фанон. *The Wretched of the Earth*. N. Y. 1968.

гемонистских целей — вот к чему практически сводился замысел маоистов. Подобное манипулирование надклассовыми концепциями не ново для пекинского руководства. Еще в августе 1946 г. Мао Цзэ-дун выдвинул тезис о наличии между СССР и США «промежуточных зон». В виде официальной внешнеполитической доктрины эта идея была сформулирована в 1963 г., в условиях открытой конфронтации КПК с международным коммунистическим движением. Согласно этой концепции, лагерь социализма противостоит не империализму в целом как мировой системе, а только США. Между лагерем же социализма и американским империализмом лежат две «промежуточные зоны», причем первая из них — государства Азии, Африки и Латинской Америки, вторая зона — развитые капиталистические страны, где не сложилась революционная ситуация. Посему маоисты третировали пролетариат и компартии указанных стран и призначали роль их рабочего класса в мировом революционном движении. Что касается правящих классов капиталистических государств, то им, по утверждению пекинских лидеров, присуща двойственность: оставаясь эксплуататорами, они сами подвергаются эксплуатации и угнетению со стороны американского империализма и в связи с этим переходят на антиамериканские позиции. А задача США, как считают маоисты, состоит в первую очередь в порабощении именно «промежуточных зон», а не в борьбе против стран социализма и социалистических тенденций в мире.

Таким образом, доктрина «промежуточных зон» должна была послужить прикрытием и орудием осуществления великодержавного курса, основные цели которого заключались в том, чтобы поставить на службу гегемонистским устремлениям нынешнего китайского руководства антиимпериалистические настроения колониальных и зависимых народов; войти в блок с традиционными антисоветскими силами империалистических государств; избежать политической и экономической изоляции Китая; стимулировать напряженные отношения между СССР и США, используя тем временем ситуацию для наращивания своего экономического и военного потенциала.

Глобальная надклассовая концепция маоистов в мировом революционно-освободительном движении получила наиболее яркое выражение в пресловутой теории «окружения мирового города мировой деревней». В свое время Линь Бяо в статье «Да здравствует победа народной войны!» заявил: «Современная мировая революция представляет собой картину окружения городов деревней. В конечном счете дело мировой революции зиждется на революционной борьбе азиатских, африканских и латиноамериканских народов, которые составляют подавляющее большинство населения земного шара... Жертвы небольшого числа людей окупятся безопасностью всех наций, всех стран и даже всего человечества; временные страдания окупятся длительным или даже вечным миром и счастьем. Мы можем научить народ толкать вперед историю. В этом смысле война — великая школа»⁴. Так мировой катаклизм был провозглашен желанным путем для достижения афро-азиатскими народами «рая по-пекински». Под «мировым городом» маоисты подразумевают все развитые страны, не взирая на их принадлежность к различным социальным системам, под «мировой деревней» — страны Азии, Африки и Латинской Америки. «Мировая деревня» ведет наступление на «мировой город» — такова маоистская схема развития мировой революционной борьбы.

Характерно, что эта идеологическая диверсия была предпринята Пекином в середине 60-х годов, когда национально-освободительное движение добилось выдающихся успехов, колониализм в сфере государств

⁴ Lin Piao. Long Live the Victory of People's War! «Peking Review», vol. 8, 1969, № 3, pp. 24, 28.

венно-политической надстройки в основном был ликвидирован и на политической карте мира появилось около 70 новых национальных государств. Перед молодыми национальными государствами возникли тогда задачи, связанные с ликвидацией социально-экономических корней колониализма, что повлекло требование и понине требует осуществления глубоких преобразований во всех сферах материальной и духовной жизни. В ходе их реализации выкристаллизовывались программные платформы национального развития, связанного с выбором путей социального прогресса. Уже тогда наметилась растущая тенденция решать назревшие задачи национального возрождения на антикапиталистической основе. Социалистическая ориентация в ряде стран стала реальностью.

Социальные мотивы национально-освободительного движения могли найти свое воплощение только в результате сосредоточения всех усилий освобожденных народов на решении созидательных задач и расширения поддержки со стороны стран социалистического содружества. В этих условиях замысел маоистов состоял в том, чтобы расколоть союз мирового социализма и национально-освободительного движения. В соответствии со своей общей доктриной Пекин в течение 60-х годов проводил исключительно «левую» политику в отношении стран Азии и Африки, всячески пытаясь доказать, что «мировая деревня» победит «мировой город». Вместе с тем в этой политике до и в ходе «культурной революции» наметились существенные оттенки. До 1966 г. курс маоистов характеризовался двойственностью. С одной стороны, КНР продолжала поддерживать с афро-азиатскими государствами прежние дипломатические связи и межгосударственные отношения. С другой, наличие левацкой, авантюристической тенденции в руководстве КПК, представленной прежде всего маоцзэдуновской группировкой, находило свое выражение в упорном выдвигании тезиса об «особом» характере национально-освободительных революций в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Практически этот тезис означал призыв к свержению в недавно освободившихся от ига колониализма странах утвердившихся там национальных правительств.

Маоисты заявляли, что все такие освободительные революции носят народно-демократический характер; поэтому отсутствие народно-демократического строя в освободившихся странах означает, что там еще сохраняется революционная ситуация; а если даже признаков таковой не наблюдалось, то Пекин все же громогласно провозглашал ее «наличие». Таким образом, борясь против общей линии международного коммунистического движения, выдвигая надуманный тезис о самодовлеющем значении национально-освободительных революций, демагогически превознося революционность национальных движений и даже «прогрессивных принцев и королей» и надеясь за такую «милость» добиться признания своей гегемонии, пекинские руководители в то же время призывали к свержению этих же национальных правительств и лидеров. Подобное противоречие наглядно проявилось во время поездки Чжоу Энь-лая в конце 1963 — начале 1964 г. в некоторые африканские государства, где он пытался укрепить пошатнувшееся влияние КНР и заверить правительства африканских государств в дружеских чувствах и поддержке со стороны Китая. Во время своей поездки Чжоу Энь-лай неоднократно излагал ту мысль, что «на африканском континенте имеется замечательная революционная ситуация». И впоследствии печать и радио Пекина не уставали повторять, что повсюду в странах Азии, Африки и Латинской Америки наблюдается «превосходная революционная ситуация»; что лозунг Мао «Винтовка рождает власть» якобы с энтузиазмом осваивается угнетенными народами и нациями (независимо от того, имеются ли условия для начала немедленной вооруженной борьбы); что пламя ее

«разгорается в Бирме, Индии, Юго-Восточной Азии, Африке и Латинской Америке»⁵.

Но, поскольку революционная ситуация не возникает по заказу, маоисты пытались искусственно создать ее в различных уголках земного шара. Так появились на свет утверждения о том, что «обстановка напряженности — это хорошая обстановка»; что «чем хуже — тем лучше». Эти фальшивые лозунги хорошо известны международному коммунистическому движению. Достаточно напомнить о том, как развивал в свое время идею «чем хуже — тем лучше» Троцкий⁶. Пытаясь искусственно создать кризисную обстановку в странах, где еще не сложились условия для вызревания революционной ситуации, пекинские лидеры открывали зеленый свет наступлению реакционных сил, вносили разброд и даже раскол в ряды прогрессивных борцов внутри таких стран. Таковы были, в частности, результаты создания «очага напряженности» в Индии, Индонезии, Бирме, Малайзии. Уже к середине 60-х годов наметился провал маоистских планов, направленных на подчинение национально-освободительного движения гегемонии Пекина. Свидетельством тому была неудачная поездка Чжоу Энь-лая по странам Африки, провал намерений маоистов вбить клин между белыми и «цветными» народами в целом, создать на этой основе некую «революционную» организацию и противопоставить ее СССР, банкротство авантюристических планов в отношении Индонезии, тщетность попыток подчинить себе или хотя бы расколоть движение афро-азиатской солидарности. Эти и ряд других неопровержимых фактов раскрыли молодым суверенным государствам подлинную сущность политики маоистов. Стало очевидным, что подавляющая часть народов Азии, Африки и Латинской Америки вовсе не собирается следовать авантюристическому курсу Мао, ведущему к пагубной изоляции их стран от социалистического содружества.

Разразившаяся затем в Китае пресловутая «великая пролетарская культурная революция» была в определенном смысле, если брать ее внешнеполитический аспект, реакцией маоистов на серьезное поражение и растущую изоляцию КНР на международной арене. Эта «революция» покончила с двойственностью в политике Пекина по отношению к национально-освободительному движению. Были отброшены показное дружелюбие и заигрывание с национальными правительствами и лидерами освободившихся государств. Так и не добившись у них официального признания своего главенства, маоисты явочным порядком провозгласили Мао «вождем народов всего мира», а Китай — «центром мировой революции», объявив о намерении «утвердить знамя идей Мао Цзэ-дуна во всем мире». «Жэньминь жибао» опубликовала от имени учащихся пекинской «боевой школы хунвэйбинов» статью «Разрушить старый и построить новый мир». «Мы, хунвэйбины, — говорилось в ней, — не только поднимаем всеобщий бунт в стране, но мы готовы также выйти на международную арену, чтобы бороться до конца и разжечь всеобщий бунт»⁷.

Последовавшие вскоре события показали, что Пекин действительно вознамерился экспортировать маоизм за пределы Китая и перенести методы действий хунвэйбинов на международную арену. Этим целям были подчинены межгосударственные и внешнеэкономические связи Китая. Маоисты превратили его дипломатические и торговые представительства, группы китайских специалистов и местные китайские меньшинства в афро-азиатских странах в орудие своей пропаганды и откровенного навязывания идей Мао. Неприкрытая обработка отдельных общественных деятелей, подкуп реакционных организаций и создание раскольнических

⁵ «Жэньминь жибао», 26.I.1964.

⁶ См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8-е Т. 3, стр. 144.

⁷ «Жэньминь жибао», 1.IX.1966.

группировок, распространение подстрекательских и антиправительственных листовок, «красных книжек» с высказываниями Мао, значков и пуговиц с его изображением — все это стало повседневной практикой провокационной деятельности маоистов за рубежом. Их авантюристическая активность на международной арене вызвала ответную негативную реакцию. От КНР стали отворачиваться даже те страны, которые пытались поддерживать с ней дружеские отношения. Новая обстановка как раз и являлась одной из причин поворота пекинского руководства к его нынешнему внешнеполитическому курсу.

Потерпев поражение в попытках «любовой» атаки на принципиальную линию международного коммунистического движения и оказавшись перед лицом растущей внешнеполитической изоляции, маоисты вынуждены были пересмотреть методы действий и тактические средства. Их «обновленный» арсенал содержал два стержневых момента: «дипломатию улыбок» в отношении тех сил, которые могли быть немедленно или потенциально использованы в борьбе за осуществление прежнего гегемонистского курса Пекина, и сосредоточение всех усилий на антисоветизме. Хотя маоисты под лозунгом «борьбы против двух сверхдержав» внешне ведут речь в одинаковой степени о Советском Союзе и США, на деле их курс олицетворяет собой растущий антисоветизм.

СССР, другие члены социалистического содружества с принципиальных позиций решительно выступают против раскольнической деятельности маоистов. Именно поэтому последние видят в СССР главное препятствие на пути осуществления их великодержавно-шовинистических планов. Л. И. Брежнев в речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в октябре 1973 г. говорил: «Они продолжают выдвигать абсурдные территориальные претензии к Советскому Союзу, которые мы, естественно, категорически отвергаем. Они упорно повторяют затасканные измышления антикоммунистической пропаганды о «советской угрозе», твердят об «угрозе с севера» и, отклоняя все разумные предложения об урегулировании, о заключении договора о ненападении, продолжают держать свой народ в искусственно созданной лихорадочной атмосфере военных приготовлений. И все это сопровождается распространением самых нелепых клеветнических обвинений в адрес СССР и других стран, беззастенчивыми попытками вмешиваться в наши, — да, впрочем, не только наши, внутренние дела»⁸. В этих словах предельно четко очерчена деятельность маоистов, направленная на то, чтобы отравить международную атмосферу, оклеветать СССР и отвлечь внимание собственного народа от жгучих нерешенных внутренних проблем путем нагнетания военного психоза. Пекином была подновлена концепция «промежуточных зон», которые маоистами стали помещаться уже не между СССР и США, а между СССР и США, с одной стороны, и Китаем — с другой. Об этом красноречиво гласила передовая «Жэньминь жибао», озаглавленная: «Долой великодержавный гегемонизм!»⁹. В ней говорилось, что КНР ничем не отличается от остальных освободившихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Если раньше маоисты противопоставляли Восток Западу, а «бедные нации» — «богатым нациям», то в упомянутой передовой «средние и малые страны» противопоставляются двум «сверхдержавам» — США и СССР. Эта позиция полностью игнорирует классовый подход к оценке международных явлений, ставит на одну доску США и Советский Союз, а все остальные государства объединяет в одну группу без учета принципиальных различий в их общественно-экономическом строе. При этом КНР изображается единственной защитницей интересов «средних и малых стран».

⁸ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 4. М. 1974, стр. 329—330.

⁹ «Жэньминь жибао», 23.1.1971.

Стремление Пекина сгруппировать вокруг себя страны «трех континентов» и вовлечь их в русло своей антисоветской политики недвусмысленно проглядывает и в статье «Жэньминь жибао» от 20 мая 1972 года. «Все страны и народы, — говорится в ней, — подвергающиеся агрессии, подрывной деятельности, контролю, вмешательству и третированию со стороны двух сверхдержав, создают единый широкий фронт». Последний, подновленный вариант геополитической концепции маоистов был выдвинут после X съезда КПК (август 1973 г.). Хотя в целом результаты съезда свидетельствовали о том, что стратегические цели пекинского руководства остались теми же и что основные усилия его по-прежнему направлены на борьбу против СССР, на раскол сил социализма, международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, тем не менее на место левоавантюристских методов и форм деятельности маоистами постепенно выдвигается правая тактика.

Выступая в апреле 1974 г. на VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, заместитель председателя Государственного совета КНР Дэн Сяо-пин следующим образом изложил геополитические взгляды тех, кого он представляет: «Современный мир фактически состоит из трех взаимосвязанных и взаимопротиворечивых сторон, трех миров. США и СССР составляют первый мир. Развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки и других районов — третий мир. Развитые страны, находящиеся между вышеуказанными двумя мирами, — второй мир»¹⁰. Итак, двумя полюсами основного мирового противоречия являются для Пекина не капитализм и социализм, а «две сверхдержавы» и развивающиеся страны, причем КНР — тоже «одна из развивающихся стран Азии и Дальнего Востока» (об этом говорили в своих выступлениях китайские представители на сессиях ООН)¹¹.

Один из приемов, с помощью которых маоисты пытаются поссорить освободившиеся страны с СССР, заключается в пропаганде фальшивого тезиса, будто Советский Союз наряду с капиталистическими государствами эксплуатирует «три континента» путем торговли и экономического сотрудничества. В связи с этим Пекин настойчиво рекомендует освободившимся странам иметь «опору на собственные силы». «Жэньминь жибао» писала: «Империализм и социал-империализм, представляющие интересы горстки монополистической буржуазии, для развития своей экономики жестоко эксплуатируют трудовой народ в их собственных странах и занимаются грабежом и экспансией за рубежом. Наша страна борется за интересы китайского народа и народов мира. Она ни в коем случае не позволит себе прибегать к средствам империализма». Далее давались советы опираться только на «освоение отечественных ресурсов»¹². Разумеется, никто не станет оспаривать необходимость осваивать собственные ресурсы, если бы эта мера, по замыслам маоистов, не являлась одновременно средством разрыва нормальных экономических связей с другими странами, прежде всего с СССР. На деле эти рекомендации — не что иное, как попытка толкнуть страны Азии, Африки и Латинской Америки на путь политического изоляционизма, экономического и социального застоя. Ведь лишь при данном условии возможно утверждение гегемонии Пекина над этими странами. Не случайно КНР оказалась единственной азиатской страной в ООН, которая выступила против предложения СССР о сокращении военных расходов государств — постоянных членов Совета Безопасности на 10% и использовании части сэкономленных средств на увеличение помощи развивающимся странам.

Закливания маоистов, особенно в той части, которая касается оценки роли Советского Союза, вызвали среди народов «третьего мира» обратную реакцию. Страны Азии, Африки и Латинской Америки на конкрет-

¹⁰ «Peking Review», 1974, № 16, p. 15.

¹¹ Ibid., 1974, № 29, p. 9.

¹² «Жэньминь жибао», 22.IV.1974.

ных примерах повседневной практики реально познали значение поддержки со стороны СССР их усилий по развитию национальной экономики и обеспечению эффективных путей социального прогресса. Подчеркивая это обстоятельство, прогрессивная индийская газета писала: «Руководствуясь антисоветизмом, Пекин всячески пытается подорвать международный авторитет и влияние Советского Союза. Однако он забывает, что государства «третьего мира» на собственном опыте убедились в выгоды сотрудничества с Советским Союзом, которое всегда основывается на принципах равенства и взаимной выгоды... Помощь, предоставляемая Советским Союзом странам «третьего мира», направлена на то, чтобы обеспечить ускоренное экономическое развитие недавно освободившихся государств и усилить их способность противостоять неокOLONиалистской эксплуатации со стороны западных держав, которые, кстати, пользуются все более растущей поддержкой со стороны пекинского руководства»¹³.

Новая тактика маоистов привела к пересмотру ими отношения к тем группировкам в странах Востока, которые, послушно следуя указаниям Мао, до сегодняшнего дня продолжают вести вооруженную борьбу против национальных режимов в своих странах (Малайзия, Таиланд, Бирма, Филиппины и др.). Чжоу Энь-лай многократно давал заверения руководителям соответствующих стран в том, что КНР прекращает дальнейшую поддержку этих групп и их вооруженной борьбы. Одним из ярких свидетельств этого явился майский (1974 г.) визит премьер-министра Малайзии в Пекин, в ходе которого не только было достигнуто соглашение об установлении дипломатических отношений, но Мао и Чжоу предоставили правительству Малайзии полную свободу действий в отношении Компартии Малайзии. КНР отказалась, по крайней мере официально, и от прежнего вмешательства во внутренние дела китайских общин в странах Юго-Восточной Азии. Местные китайцы в этих странах, как заявил Чжоу Энь-лай, «должны натурализоваться». Это, конечно, не означает отказа Пекина от попыток использовать в своих интересах население китайского происхождения в странах Юго-Восточной Азии, составляющее в общей сложности 18 млн. человек. Только попытки эти теперь, по-видимому, будут не столь открытыми, как ранее.

Вот некоторые факты, подтверждающие эту мысль. В конце мая 1975 г. в Бангкоке шли переговоры о нормализации отношений между Таиландом и ДРВ. За несколько дней до прибытия туда вьетнамской делегации на северо-востоке Таиланда произошли беспорядки: вооруженные провокаторы учинили погромы домов вьетнамцев, живущих в этом районе. Как показали материалы следствия, погромщики были наняты агентами ЦРУ, а средства, потребовавшиеся для оплаты их услуг, были получены от китайских торговцев, поддерживающих тесные связи с Пекином. Очевидно, стремление ЦРУ торпедировать нормализацию отношений между странами Юго-Восточной Азии совпадает с планами КНР, которая видит в установлении дружественных отношений между странами этого района помеху реализации своих гегемонистских замыслов. О том же говорят факты относительно деятельности маоистских организаций в Индонезии. В частности, недавно индонезийскими властями был раскрыт в Бандунге заговор подпольного синдиката, который под вывеской туристской фирмы занимался переброской из КНР в Индонезию специальных агентов для провокационной деятельности¹⁴.

Изменилось отношение маоистов и к тактике создания «очагов напряженности». Поэтому Пекин вносит коррективы и в этот вопрос. Например, ранее его руководители открыто поощряли экстремистские круги в арабских странах и пытались усилить свое влияние на те пале-

¹³ «Patriot», 23.IV.1974.

¹⁴ «Правда», 30.V.1975.

стинские организации, которые выступали против политического урегулирования на Ближнем Востоке, призывали арабов игнорировать резолюцию Совета Безопасности о прекращении огня¹⁵. Пытаясь представить себя в качестве единственных друзей арабских народов, не скупясь на клятвы и всевозможные словесные заверения, маоисты не помышляют всерьез об оказании им сколько-нибудь действенной помощи. В то же время пекинские руководители воспользовались ближневосточным кризисом, чтобы попытаться вызвать у арабских народов недоверие к Советскому Союзу.

Сейчас КНР маскирует откровенно экстремистские позиции, перестала отвергать идею политического урегулирования на Ближнем Востоке и даже демонстрирует показное понимание позиции арабских государств. Фактически же Пекин по-прежнему проводит обструкционистскую политику. Однако она стала носить более завуалированный характер. Так, КНР воздержалась при голосовании в ООН резолюций, осуждавших израильскую агрессию; в 1974 г. китайский представитель занял уклончивую позицию при голосовании совместной резолюции СССР и США по вопросу о разьединении войск на сирийско-израильском фронте; пекинскими руководителями игнорируется резолюция ООН № 338. Здесь еще раз явно проглядывает полнейшая беспринципность маоистов по отношению к национальной и социально-освободительной борьбе стран «трех континентов».

Наиболее наглядно эта беспринципность проявилась в ходе событий в Чили. Маоисты делали все возможное, чтобы подорвать там единство левых сил и раздробить социальную базу правительства Сальвадора Альенде. Чилийские «леваки» в унисон с Пекином призывали к ультра-революционным действиям, пропагандировали лозунг «Винтовка рождает власть», клеймили Коммунистическую партию и правительство Народного единства как «предателей» и «оппортунистов». Но как только реакция победила, из Китая поспешили выдворить прежнего чилийского посла и установили тесные контакты с реакционной военной хунтой. В данном случае, как и во всех других ситуациях, маоисты исходят прежде всего из принципа: все, кто являются врагами СССР, годятся Пекину в союзники.

Примечательна политика КНР в отношении стран Индостанского полуострова. Разжигание конфликта между Индией и Пакистаном и игнорирование нового государства Бангладеш (хотя в 1974 г. формально КНР вынуждена была снять свое вето в Совете Безопасности на признании нового государства) все еще являются краеугольным камнем этой политики. Негативное отношение маоистов к освободительной борьбе народа Бангладеш вновь обнажило неприглядные стороны внешнеполитического курса Пекина, его пренебрежение к жизненным интересам и судьбам угнетаемых и жестоко подавляемых народов; ему важно лишь послушание этих народов и их готовность следовать антисоветскому курсу. Не удивительно поэтому, что населению Восточной Бенгалии, поднявшемуся на защиту своих прав, китайская пропаганда приклеила ярлык «пакистанских раскольников», а те, кто расстреливал бангладешских женщин, стариков и детей, именовались ею «выразителями интересов пакистанского народа». При этом с нарочитым хладнокровием игнорировались общеизвестные факты массовых репрессий и террора в Восточном Пакистане, имевшие место при военном режиме Яхья Хана.

В подобной позиции нет ничего нового: она логически вытекает из предшествующего курса маоистов. Достаточно напомнить о роли Пекина в индо-пакистанском конфликте и его отношении к Ташкентской декларации 1966 г., открывавшей путь для нормализации положения в этом районе мира. Маоисты в 1965 г. искусственно провоцировали там

¹⁵ «Жэньминь жибао», 17.VI.1967.

пограничные инциденты, откровенно шантажируя Индию и поощряя прежний пакистанский режим к активным действиям. Когда же при доброжелательном содействии СССР был положен конец вооруженным столкновениям и провозглашена Ташкентская декларация, Мао ее отверг. И в дальнейшем пекинские лидеры продолжали плести на Индостанском полуострове интриги, главной целью которых является использование Пакистана в интересах их великодержавно-шовинистической политики. Маоистская верхушка укрепляла связи с правящими кругами Пакистана, оказывая им военно-экономическую и политическую поддержку для нанесения удара по Индии. Быстрыми темпами КНР осуществляла строительство стратегических дорог в направлении Кашмира, причем в пограничном районе работы велись, как сообщала зарубежная печать, смешанными китайско-пакистанскими строительными группами.

В июле 1971 г., уже после начала вооруженной борьбы народа Бангладеш, КНР поставила оружие и боеприпасы для двух пакистанских дивизий, предназначенных для действий в Восточном Пакистане, а 10 сентября в Дакке состоялась передача командующему восточнопакистанским военным округом военного завода, построенного с помощью китайского кредита. Вскоре Пекин начал поставку в Пакистан 400 истребителей и бомбардировщиков, а также танков и зенитных батарей, послал туда 200 военных инструкторов. Согласованность и синхронность американских и пекинских действий во время тогдашних трагических событий, поддержка ими реакционной армии Пакистана, концентрация американского 7-го флота в Бенгальском заливе, а китайских войск — на границе с Индией, недвусмысленный дуэт США и КНР в поддержку режима Яхья Хана и против освободительного движения в Бангладеш со своей очевидностью свидетельствовали о том, что за претензией маоистов представлять интересы «малых и средних народов» не скрывается ничего, кроме стремления решать свои гегемонистские задачи путем компромисса хотя бы с самыми реакционными силами за счет тех же «малых и средних народов».

И ныне Пекин не прекращает усилий, направленных на торможение начавшегося процесса разрядки напряженности на Индостанском полуострове. Одновременно маоисты прилагают немало сил, чтобы ослабить широкое всемирное движение за разрядку напряженности в целом и обеспечение прочного мира. Показательна позиция КНР по вопросу создания в Азии системы мира и безопасности на коллективных началах, идея которой была выдвинута СССР и поддержана широкой азиатской общественностью. Демагогия, провокации, шантаж — все было пущено в ход, чтобы дискредитировать эту идею. В то же время КНР, используя экономические трудности «третьего мира», особенно в связи с так называемым энергетическим кризисом, пытается усилить свою экспансию. Растет активность пропаганды, направленной на расширение китайского влияния в «третьем мире». По данным Азиатского института в Гамбурге, общая сумма «помощи», оказанной КНР 26 странам Азии и Африки, к середине 1971 г. составила более 2 млрд. долларов¹⁶. Наибольшая часть этой суммы приходилась в Азии на Пакистан (почти 400 млн. долл.). Отмечалась политическая направленность такой помощи, ее подчиненность стратегическим целям маоистов.

Пекин не отказывается, как об этом свидетельствует ход событий, ни от одной из своих основных стратегических целей в отношении национально-освободительного движения. Изменения в его внешнеполитическом курсе носят лишь тактический характер и вызваны объективными сдвигами на международной арене, происходящими в результате настойчивой борьбы СССР за реализацию Программы мира, выдвинутой

¹⁶ W. Bartke. Die Wirtschaftshilfe der Volksrepublik China. Hamburg. 1972, S. 10.

XXIV съездом КПСС, а также в результате деятельности социалистического содружества и всех миролюбивых сил планеты в их борьбе за разрядку международной напряженности. Но если глобальная стратегия маоистов в зоне национально-освободительного движения терпит провал, то это не означает, что их пропаганда в странах «третьего мира» совсем не находит желанного Пекину отклика. Существует определенная «обратная связь» между внешнеполитическими устремлениями маоистов и внутренними объективными тенденциями нынешнего этапа развития стран «третьего мира», реально имеющимися там экономическими, религиозно-идеологическими и прочими предпосылками частичной «податливости» в отношении маоистских идей.

С социально-психологической точки зрения ситуация в развивающихся странах порою благоприятствует отдельным внешнеполитическим усилиям маоистов. В обществах «третьего мира» имеются как бы три «яруса», каждый из которых связан с тремя эпохами исторического времени — прошлым, настоящим и будущим. Эти «ярусы» не изолированы, а переплетаются. Предрасположенность первого «яруса» (его можно назвать восточно-традиционалистским) к восприятию маоистской пропаганды обусловлена тем, что у части населения «третьего мира» еще сохраняется ксенофобия (враждебное отношение к чужеземцам, и в первую очередь к европейцам и американцам), а также характерные для стародавней деревни уравнилельные взгляды на социальную действительность. На этом-то обстоятельстве маоисты и паразитируют, выдвигая низкий уровень жизни граждан КНР как довод для сближения с бедным населением таких стран. Второй «ярус» представлен в развивающихся странах элементами, которые связаны с процессами перехода от докапиталистических общественных отношений к более современным. Это состояние переходности, нынешней неустойчивости укладов и социальных структур в странах «третьего мира» приводит порою к распространению в них «люмпен-интеллигентского» психологического комплекса, нередко взрывоопасного и предрасположенного к экстремистским акциям, а потому и восприимчивого к маоистским крайностям и перегибам. Наконец, появление в развивающихся странах нововведений, связанных с научно-технической революцией, приводит к возникновению еще одного «яруса»: в «третий мир» проникают идеи, затрагивающие жизненные позиции миллионов людей. У работников квалифицированного физического и умственного труда, сталкивающихся с проблемой реализации своего умения, знаний и компетенции, возникают определенные «переживания», вызванные стремлением к подлинной автономии решений, протестом против мелочной опеки, сковывающей личную инициативу и личную ответственность, возмущением верхушечным манипуляторством и ловко завуалированным стеснением человеческой спонтанности¹⁷.

Подобные явления в развивающихся странах будут нарастать по мере дальнейшего использования в «третьем мире» достижений научно-технической революции. А общественный слой, проявляющий упомянутое недовольство, в поисках идейного выхода иногда обращается в силу своей мелкобуржуазности и к маоизму.

Таковы объективные предпосылки возникновения «новых левых» («нюн лефт») форм сознания на Востоке, среди научно-технической интеллигенции и студенчества развивающихся стран. Наряду с главными противоречиями между социализмом и капитализмом параллельно существуют идеологические противоречия между «социализмом» ненаучным, который вышел на поверхность в результате победы национально-осво-

¹⁷ Применительно к развитым капиталистическим государствам с их противоречиями не только между трудом и капиталом, но и между тем же капиталом и частью интеллигенции, об этом пишет Э. Ю. Соловьев (Э. Ю. Соловьев. «Профессионалы» в современном классово-социальном конфликте. «Борьба классов и современный мир». М. 1970, стр. 227).

бодительного движения в бывших колониях и слабо развитых зависимых странах, и социализмом научным, причем первые и вторые противоречия переплелись между собой. Ненаучный «социализм» пытается возвести во всемирный образец наивно переводимые им на пролетарско-интернационалистский язык пережиточные формы сознания и отвергает «западную цивилизацию» как внешне враждебную ему силу; в то же время леворадикальное движение на Западе отвергает эту цивилизацию как «внутренний плен», как собственный конформизм. Так маркузизм сходится с маоизмом¹⁸.

Факты сближения и взаимодействия «нью лефта» и маоизма в Индии, Турции, арабских странах, странах Латинской Америки общеизвестны. Это «схождение» происходит на почве не только антизападничества, но и антисоветизма. Маоисты сознательно отождествляют, прибегая к прямой фальсификации, существующие в СССР формы собственности и политической организации общества с элементами этатизма, бюрократизма и монополизма в странах как Запада, так и «третьего мира». Не случайно настойчивость, с которой пекинская пропаганда эксплуатирует этот факт, стремясь доказать вымышленное ею «буржуазное перерождение» Советского Союза и «правильность» своего деления мира на «богатые» и «бедные» нации.

Руководители КНР пытаются установить свою гегемонию в первую очередь над Азией. «В отношении Индии,— отмечают достаточно объективные наблюдатели,— лидеры КНР взяли курс на установление контроля над подступами к ней со стороны Гималаев и сжатия ее в клещи... Маоисты преследуют цель контролировать входы в Красное море, держать под наблюдением «нефтяные пути» в Персидском заливе, сохранять очаг напряженности на Ближнем Востоке. Последнее означает препятствие мирному решению... расширение Китайской империи до ворот Европы, Турции и берегов Средиземного моря»¹⁹. Эти авторы (хотя их книге и присущи в некоторых иных аспектах весьма существенные недостатки) в том, что касается внешней политики КНР, прямо пишут об общей глобальной стратегии Пекина, цель которой состоит в окружении Советского Союза и прямом выходе КНР на подступы к западным державам. В отношении развитых капиталистических стран маоисты делают ставку на своеобразную мобилизацию тамошней молодежи с тем, чтобы политический климат этих стран был насыщен элементами анархии и экстремизма²⁰.

Заметное нарастание мелкобуржуазной стихии в КНР и связанная с нею этноцентрическая заносчивость, а также идейный догматизм, основанный на культе Мао, должны постепенно представляться народам стран «третьего мира» все более и более вопиющими в условиях экономического, научно-технического и культурного прогресса, тем более что политика Пекина в развивающихся странах носит макиавеллистский характер: стремление действовать преимущественно чужими руками, стравливание всех возможных партнеров друг с другом, нарочитое разжигание социально-политических антагонизмов в соседних государствах и т. п. Ряд буржуазных авторов оценивает такую тактику маоистов в странах «третьего мира» как следствие стремления компенсировать недостатки военно-индустриальной мощи Китая на мировой арене²¹. Но эта точка зрения не учитывает самодовлеющего свойства великодержав-

¹⁸ К. М. Кантор. Научный коммунизм и современный утопический социализм (о методологическом значении трудов Ф. Энгельса для критики современных форм утопического социализма). «Ф. Энгельс и мировое революционное движение». М. 1972, стр. 110—111.

¹⁹ С. Agnoud, J. Chardonnet. La Chine, ou le suicide des blancs. P. 1972, p. 149.

²⁰ Ibid., p. 264.

²¹ См., например, С. Hinton. China's Turbulent Quest. An Analysis of China's Foreign Relations since 1945. N. Y. 1970.

ных притязаний маоизма, крайне минимально зависящих от глобальной экономической и военно-политической конъюнктуры. Имеется ряд фактов, свидетельствующих и о своеобразной культурно-исторической, местной укорененности пекинского великодержавия²². Ставка на раскол и стравливание всех и вся представляет собой официальную линию в маоистском Китае и является основанием его внешнеполитической стратегии²³.

Таким образом, все более обнажаются экспансионистские, гегемонистские замыслы нынешних лидеров КНР. Выявляется полная несостоятельность утверждения некоторых буржуазных синологов, пытающихся взять под защиту действия маоистов, продиктованные, по их мнению, только желанием «самоутвердиться в роли великой державы»²⁴. Внешнеполитические мотивы Пекина обусловлены глобальными идеологическими планами, преследующими цель навязать свою гегемонию странам Азии, Африки и Латинской Америки и сосредоточить силы на борьбе с Советским Союзом. Именно в этом свете следует рассматривать действия маоистов, направленные на сближение с империалистическими кругами. Эти действия еще более резко обозначились после окончательной победы вьетнамского народа. В данной связи любопытное признание сделал министр обороны США Шлесинджер: он отметил, что появление на юго-западной границе КНР сильного Вьетнамского государства отнюдь не в интересах маоистов, и сказал, что, по его мнению, Пекин теперь будет больше заинтересован в сохранении американского присутствия в Азии, ибо видит «в США полезный противовес Советскому Союзу»²⁵. Прогрессивная общественность афро-азиатских стран понимает суть предпринимаемых пекинскими лидерами поисков «новых союзников». Она говорит о неизбежном банкротстве «внутренней и внешней политики маоизма, в основе которой лежат великодержавный шовинизм, антисоветизм и блокирование с самыми реакционными и агрессивными кругами в империалистическом лагере»²⁶.

Военно-политический и идеологический натиск КНР на «третий мир» грозит принести народам развивающихся стран немалые бедствия. Именно поэтому прогрессивные силы «третьего мира» решительно осуждают нынешний курс Пекина и настойчиво борются за упрочение союза с социалистическим содружеством, с СССР. Они хорошо понимают, что на позициях антисоветизма не было, нет и не может быть социального прогресса. Напротив, дружба с СССР, с другими членами социалистического содружества была, есть и будет самой надежной базой укрепления национальной независимости, решения назревших задач социально-экономического развития стран «третьего мира».

²² Подробнее см.: А. С. Мартынов. Представление о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции. «Народы Азии и Африки», 1972, № 5; В. А. Кри в ц о в. Маоизм и великоханьский шовинизм китайской буржуазии. «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 1.

²³ Ф. М. Бурлацкий. Противоречивые основания противоречивой политики. «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 1, стр. 91—94.

²⁴ См. R. Terrill. China's Foreign Policy. «Atlantic» (Boston), vol. 231, 1973, № 6, p. 14.

²⁵ См. «Правда», 22.V.1975.

²⁶ N. K. Krishnan. Power Struggle in Maoist China. «Party Life» (New Delhi), vol. 10, 1974, № 6, p. 14.